

ИСТОКИ ЖАНРА ПРОПОВЕДИ НА ИТАЛЬЯНСКОМ ЯЗЫКЕ (О ПРОПОВЕДЯХ ДЖОРДАНО ДА ПИЗА)

© 2009 г. А. В. Топорова

Статья посвящена формированию жанра проповеди на итальянском языке. На примере творчества итальянского проповедника начала XIV в. Джордано да Пиза рассматривается процесс преодоления влияния латинских образцов, приспособления их к иной культурной ситуации, диктующей проповеднику новые задачи.

The article is devoted to the development of the sermon in the Italian language. It is focused on the work of the early 14th century preacher Giordano da Pisa and shows how the influence of Latin models was overcome and how the latter were adapted to a different cultural situation that confronted the preacher with new tasks.

Семнадцатая статья постановлений Турского собора (813 г.) предписывала проповедникам читать проповеди на народных языках, а не на латыни, которая к этому времени становилась все менее понятной широкой публике. Однако процесс перехода на национальные языки затянулся на несколько столетий: столь сильным был авторитет латинского языка и латинской риторики. В Италии проповедь на вольгаре, народном языке, утвердилась только в начале XIV века.

Первооткрывателем в этой области принято считать Джордано да Пиза, решительно отказавшегося в своих проповедях от латыни и обратившегося к родному языку. Разумеется, отдельные попытки были и раньше, но тексты таких проповедей до нас не дошли. Вероятно, причина этого явления кроется в том, что первые проповеди на вольгаре были импровизированными, читались странствующими проповедниками и никем не записывались. Так, скажем, не сохранились тексты проповедей св. Доминика и св. Франциска, основателей орден, проповеднических по преимуществу. Об их проповеднической деятельности мы можем судить по более поздним, лишь относительно достоверным описаниям (таковые мы находим, например, в “Цветочках св. Франциска Ассизского”). Во Франции наблюдается иная ситуация: первая проповедь на смеси латыни и народного языка относится к X веку, а перевод проповедей Мориса де Сюлли на французский – к началу XIII века [1].

Выбор народного языка имел ряд важных последствий для эволюции жанра проповеди. Во-первых, Джордано да Пиза сумел привить латинские модели проповеди на итальянской почве и сделать богатейшее наследие латинских *Artes praedicandi* (трактатов по искусству сочинения проповедей) [2; 3; 4] достоянием итальянской

культуры. Новый тип проповеди, обозначаемый в *Artes praedicandi* как “современный” (*modernus*), распространился теперь и в Италии, что представляется вполне закономерным, поскольку он отражал новый этап развития богословской мысли, с одной стороны, и изменение сознания городского общества, с другой. Вместе с тем и сама латинская проповедь претерпела существенные изменения – как на уровне содержания, так и с точки зрения своей структуры. И творчество Джордано да Пиза как нельзя лучше демонстрирует этот двоякий процесс: с одной стороны, ориентация итальянской проповеди на латинские образцы, а с другой – преодоление латинского влияния и поиск самостоятельных путей с целью сделать проповедь мощным инструментом влияния на общественное мнение. Развивающееся и обогащающее общество городских коммун столкнулось с целым рядом до того не известных ему нравственных проблем, и в этой связи переход на всем понятный народный язык и упрощение виртуозно структурированной “современной” проповеди схоластического типа, в которой конкретная проблема решалась с помощью логического анализа, стал исключительно важным шагом.

Формирование Джордано да Пиза как проповедника в полной мере отражает процесс перехода от латинской “ученой” проповеди, читаемой в университетах или в особых школах (*studia*) и предназначенных, строго говоря, для специалистов, к проповеди на родном языке, произносимой в церквях и на площадях и обращенной к широкой, часто неоднородной аудитории с целью воздействия на нее в определенном направлении. Уникальность опыта Джордано да Пиза как раз и заключается в органичном соединении двух культур, двух языков, двух проповеднических устано-

вок – теоретической и практической, – которые до и после него были разделены.

Нам известны лишь основные вехи его жизни. Предположительной датой рождения Джордано да Пиза, обозначаемого также да Ривальто – по фамильному имени или по названию места рождения, считается 1260 г. [5]. В 1280 г. Джордано поступил послушником в доминиканский монастырь Св. Екатерины в Пизе, славившийся богатой библиотекой и научными занятиями. Хроника этого монастыря является самым подробным и достоверным источником наших знаний о его жизни [6]. Обучение в доминиканских монастырях было строго регламентированным и осуществлялось по весьма насыщенной программе. Джордано учился также в доминиканских школах Болоньи и Парижа. Парижская школа славилась тем, что в ней преподавали ученики и последователи Фомы Аквинского. С 1287 г. Джордано сам начал преподавать “Сентенции” Петра Ломбардского в сиенской школе, а годом позже – в перуджинской. Сиенский капитул доминиканского ордена назначает его в 1295 г. “основным лектором” (*lector principalis*) в монастыре Санта Мариа ди Гради в Витербо. В 1302 г. он приписан лектором при “учителе” (*magister*) Ремигии де’Джиролами в церкви Санта Мариа Новелла во Флоренции, где находилась известная школа, которую посещал, как предполагают, и Данте. В 1303 г. капитул в Сполето назначает десять “проповедников” (*predicatores generalis*) и в их числе Джордано да Пиза. С 1303 по 1306 г. Джордано активно проповедует во Флоренции, порой произнося по несколько проповедей в день. Именно к этому времени относится большая часть дошедших до нас его проповедей. Последние годы своей жизни Джордано проводит в Пизе, в монастыре Святой Екатерины, где начинался его монашеский путь. Здесь он читает проповеди по Библии (*lector biblicus*). В 1311 г. он отправляется в Париж для получения титула магистра, но во время путешествия внезапно умирает в Пьяченце, в монастыре Св. Доминика. В 1833 г. Джордано да Пиза был канонизирован папой Григорием XVI.

Скудные биографические данные, дошедшие до настоящего времени, не позволяют до конца понять причины небывалого успеха его проповедей, засвидетельствованного, в частности, и в “Древней хронике монастыря Св. Екатерины в Пизе”. Косвенным свидетельством успеха проповедей Джордано да Пиза является и тот факт, что они усердно записывались его слушателями,

благодаря чему и дошли до наших дней¹. Иногда записывающие проповеди, *reportatores*, давали ей оценку: чаще всего, это краткое замечание о том, что “было сказано хорошо”, но в отдельных случаях сообщается и о впечатлении, которое проповедь Джордано произвела на слушателей. Похоже, что одной из важных составляющих успеха пизанского проповедника была его прекрасная подготовка. Главным авторитетом для Джордано, как и для подавляющего числа средневековых доминиканских проповедников, был Фома Аквинский. Все проповеди Джордано проникнуты томистскими идеями, вдохновляются ими, излагают их и развивают на разные лады. Уже с конца XIII века пропаганда и распространение учения Фомы, “этого мудрого человека” (“*quel savio uomo*”), как называет его Джордано, стало приоритетным направлением деятельности доминиканских богословов; занимался этим, в частности, и непосредственный наставник Джордано, известный в свое время проповедник Ремигий де’ Джиролами, слушавший лекции Фомы Аквинского в Париже. Вероятно, именно благодаря комментариям Фомы Аквинского Джордано был неплохо знаком и с Аристотелем, которого он почитал как “высшего философа и царя философов” (“*il sommo filosofo e il re de’ filosofi*” [7]). Еще одним несомненным авторитетом был для Джордано Августин, известный ему, скорее всего, по весьма популярному в Средние века, особенно среди проповедников, “Обыкновенному комментарию”, “*Glossa ordinaria*”, сочинению XII века, содержащему толкование Библии с широким использованием идей Августина. В своих проповедях Джордано неоднократно ссылается и на святых Иеронима, Григория Великого, Иоанна Златоуста, Иоанна Дамаскина, Боэция, Псевдо-Дионисия, Бернара.

Джордано да Пиза, разумеется, следовал установкам, заданным в известных трактатах, посвященных проповеди, такими учителями этого искусства, как Алан Лилльский, Гийом Овернский, Иаков Витрийский, Умберто ди Романс и другими. Он также пользовался пособиями, предназначенными для проповедников в Средние века: глоссами, сборниками цитат, проповедей, житий святых, примеров. Почти каждое сравнение, метафора, пример, упоминание о святых в его проповедях

¹ Мы не рассматриваем здесь вопросы текстологии. Отметим лишь, что рукописи каждого из циклов проповедей, прочитанных Джордано, дошли до нас в записи анонимных слушателей. Одна из таких рукописей хранилась в семье флорентийского гуманиста XVI в. Леонардо Сальвиати. О датировке и текстологических характеристиках рукописей см. [7; 8]; о соотношении устного и письменного варианта проповедей см. [9].

восходит к одному из таких сборников. Из проповедей Джордано явствует также, что их автору была знакома и светская культура: он ссылается на Вегеция, цитирует Орозия, Овидия; нельзя исключать его знакомства, хотя бы опосредованного и поверхностного, с рыцарскими романами. И все это богатство многообразных знаний, гармонично оркестрованное и организованное в соответствии с довольно сложными предписаниями *Artes praedicandi*, было предложено неоднородной городской аудитории, часто невежественной и неразвитой душевно и духовно.

Несомненная заслуга Джордано да Пиза – и одновременно другая составляющая его успеха – заключается в том, что он сумел завоевать эту аудиторию, смог обращаться к ней на том языке, который был ей понятен, говорить с ней о вещах, ей интересных, не отступая при этом от своей главной цели. А цель эта была двоякой – распространить христианское учение, сделать его близким, понятным, жизненно необходимым, с одной стороны, и научить этике личного и общественного поведения, с другой. Разумеется, Джордано да Пиза был хорошо знаком с идущей из античности и зафиксированной в сочинении Августина “О христианском учении” теорией публичного выступления, в которой учитывалось, кто говорит, где, когда, почему, как и перед кем. Ему были известны и рекомендации средневековых авторитетов в искусстве проповеди обращаться к каждой категории слушателей по-своему (Гийом Овернский) – проповеди *ad statum* – или приспосабливать проповедь к обстоятельствам (Алан Лилльский, Иаков Витрийский). Но Джордано пошел гораздо дальше: он не просто пытается учесть общий уровень своих слушателей, но вникает в их конкретные интересы, в профессиональные проблемы, ведь он имел дело с представителями различных ремесел, с городской буржуазией, часто поглощенной исключительно экономическими интересами и не всегда благочестивой. Итальянская исследовательница его творчества Чечилия Яннелла проанализировала “профессиональный состав” аудитории Джордано [10]. Оказалось, что в своих проповедях Джордано упоминает следующие категории (и, как правило, не просто упоминает, а говорит о связи их профессиональной деятельности с христианской нравственностью): судьи и адвокаты, врачи, ремесленники, купцы, ростовщики, мошенники, жонглеры, проститутки. И всех их Джордано стремится сделать единым христианским обществом, своеобразным “градом Божиим”, одним телом, глава которого Христос. Христианская идея единства приобретает у Джордано общественный характер, трактуется в

смысле взаимопомощи членов одной коммуны – и в этом несомненное новаторство проповедника, не побоявшегося свести богословские положения на уровень “коммунальных” интересов:

Come è bella cosa la cittade bene ordinata, ove sono le molte arti, e catuna per sé, e sono comuni tutte le arti; troppo è grande bellezza; perocché non ci ha arte nulla, che non sia utile; il calzolaio è utile a tutta la cittade, ch'egli calza; il fornaio è utile e necessario, che ti cuoce il pane; il sartore altresì; il cavaliere è utile a tutta la cittade, ché la difende; sicché il bene del calzolaio è del cavaliere, e quello del cavaliere è del calzolaio; ed ancora è più d'altrui l'opera e l'arte sua, che di sé [11, p. 80].

Сколь прекрасен хорошо устроенный город со множеством цехов, каждый из них сам по себе и все они вместе; большая в этом красота, потому что нет ни одного цеха, который не был бы полезным; сапожник полезен всему городу, который он обувает; булочник полезен и необходим, он печет тебе хлеб; так же и портной; рыцарь полезен всему городу, потому что он защищает его; поэтому благо сапожника есть и благо рыцаря, а благо рыцаря есть и благо сапожника; его дело и ремесло более принадлежит другим, чем ему самому.

По некоторым высказываниям Джордано мы можем судить о том, что душа его лежала к “ученой” проповеди, к рассмотрению сложных богословских проблем (чему он порой и уделяет место в своих проповедях), но долг проповедника обязывал к иному стилю и к иной тематике. В циклах лекций на первые три главы книги Бытия (а их два, один прочитан флорентийцам в 1304–1306 гг., другой – пизанцам в 1307–1309 гг.) Джордано, можно сказать, отводит душу, дает простор своим знаниям и экзегетическому таланту, но одновременно с ними он читает проповеди и для более широкой публики, ни на минуту не упуская из виду задачи христианского воспитания своих слушателей.

Заметим, что далеко не все авторы проповедей в XIII веке были проповедниками в строгом смысле этого слова, т.е. не все создавали свои проповеди для произнесения их перед паствой; более того, некоторые проповеди с самого начала создавались как жанр письменной, а не устной речи. Тот же Фома Аквинский, от которого сохранилось, правда, довольно мало подлинных проповедей, ориентировался не на прихожан, а на слушателей университетских или монастырских школ, прежде всего, на учеников доминиканской школы Сен-Жак в Париже. Его проповеди представляют собой нечто среднее между философскими и богословскими трактатами и никак не рассчитаны на широкую и неподготовленную аудиторию. Даже те из его проповедей, которые он произносил публично, при большом стечении

народа, как, например, проповедь о Евхаристии (*Sermo de Eucharistia*), прочитанную в присутствии папы Урбана IV и кардиналов, посвящены сложным догматическим вопросам, восприятие которых было под силу лишь подготовленным умам. Авторы проповедей менее высокого уровня, пользовавшиеся, однако, немалой популярностью среди своих собратьев по ордену, как, скажем, доминиканцы Джакомо ди Беневенто и Иаков Ворагинский (известный прежде всего сборником житий “Золотая легенда”), оставили сборники проповедей, предназначенных для проповедников, своего рода учебные пособия для желающих освоить этот жанр: к каждой цитате из Священного Писания даются указания, как ее толковать, на какие сходные тексты ссылаться, приводятся соответствующие цитаты из Отцов Церкви – часто в конспективном виде.

Удивительным образом и среди францисканцев наблюдается аналогичная ситуация. Казалось бы, следуя заветам св. Франциска Ассизского, проповедовавшего всем и каждому, кто встречался на его пути, будь то людям, животным, птицам, считавшему, что слово Творца дойдет до каждого Его творения, францисканские проповедники должны были ориентироваться на живое устное слово, идущее от сердца к сердцу. Но и такие знаменитые проповедники-францисканцы, как Антоний Падуанский и Бонавентура, придерживались иных установок. Основной корпус сочинений Антония Падуанского (“Воскресные проповеди” и “Проповеди на праздники”), заключенный в трех объемистых томах, представляет собой проповеди, которые никогда не произносились перед народом и не были для этого предназначены. Проповеди Бонавентуры были предназначены для избранной публики: для студентов и преподавателей парижской школы, для монахов разных орденов и религиозных братств, для французского короля и его семьи, для Папы и Курии, для соборных капитулов. Проповеди, обращенные к простому народу, очень немногочисленны и являются скорее исключением.

Джордано да Пиза, напротив, весьма высоко оценивал роль проповедника, непосредственно обращающегося к своей пастве, такой, какой она была во всем ее многообразии. И в этом существенное отличие его проповедей от латинских образцов, рассчитанных, как правило, на узкий и подготовленный круг слушателей. Монахов-проповедников Джордано сравнивает с апостолами; как и для раннехристианских благовестников, для доминиканцев характерно самопожертвование ради спасения ближнего. Во времена Джордано борьба с еретиками отступила на задний план,

хотя в его проповедях и встречаются отдельные выпады против них, а на первое место выдвинулась задача привести к Богу горожанина, ставшего равнодушным к божественному и полностью погрузившегося в материальную стихию мира. И здесь роль проповеди, согласно Джордано, неоценима. Потому-то он постоянно призывает посещать проповеди, внимательно слушать их, называет их “вкушением слова Божия, поддерживающего душу и тело” [7, р. 50], рекомендует как следует “пережевывать” их, чтобы ум лучше усвоил содержащуюся в них мудрость. Джордано уподобляет слова проповедника драгоценным камням, которые надо бережно хранить, а сами проповеди он призывает записывать; и надо сказать, что этому совету вняли, поскольку все дошедшие до нас проповеди Джордано сохранились именно благодаря почти дословным, насколько можно об этом судить, записям слушателей. Интересно, что в той высокой оценке, которую Джордано да Пиза дает роли проповедника, совершенно отсутствует личный аспект. Даже когда он говорит от первого лица (что случается довольно редко), он имеет в виду себя лишь как одного из представителей проповедников, выполняющего свой долг, или считает, что упоминание о себе, событиях своей жизни или своих действиях может быть полезно слушателям. Этим он радикально отличается от мистиков, отчетливо осознававших уникальность своего опыта богообщения и настаивавших на исполнении переданного ими.

Нередко Джордано произносит по три проповеди в день: утром, днем и вечером. В таких случаях, как правило, в утренней проповеди дается общая схема и рассматриваются первые несколько пунктов, а в дневной и вечерней – оставшиеся не раскрытыми утром положения. Такая практика существовала в доминиканских школах: проповеди, произносимые за вечерней службой, назывались *collationes* и являлись продолжением или облегченным пересказом утренних проповедей (нередко утреннюю проповедь читал учитель, а вечернюю ученик) [12]. Джордано проповедует повсюду – в церкви после службы, на площади, в доминиканских школах, где он обучает этому искусству начинающих проповедников. За восемь лет проповеднической деятельности – с 1303 г. до начала 1311 г. Джордано произнес во Флоренции и в Пизе около тысячи проповедей. Определить точное их число не представляется возможным, поскольку далеко не все еще найдены, а из найденных не все дошли до нас в полноценном виде. За последние полтора десятка лет появилось несколько новых или дополненных изданий его проповедей [8; 13; 14; 15], и, похоже, это еще не ко-

нец; скажем, до сих пор не обнаружены проповеди на первую главу книги Бытия. Корпус проповедей Джордано включает в себя проповеди на воскресные евангельские чтения, великопостные циклы, цикл, прочитанный Рождественским постом, проповеди на книгу Бытия, цикл на “Символ веры”, проповеди, посвященные святым, а также проповеди на разные цитаты из Священного Писания.

При всем богатстве и разнообразии проповедей Джордано их главной темой остается грех и покаяние как средство преодоления греха. Подобно древним учителям Церкви, а также средневековым религиозным писателям, Джордано анализирует грех в его сущности, говорит о его причинах, проявлениях, о его влиянии на душу и его страшных последствиях. Если собрать все высказывания, относящиеся к греху в проповедях Джордано, то получится впечатляющий богословско-философский трактат, богатый глубокими теоретическими рассуждениями и изобилующий примерами из Священного Писания, истории и повседневной жизни. Характерная особенность проповеднического стиля Джордано заключается в том, что даже говоря о сугубо концептуальных вещах или углубляясь в аллегорические толкования, он никогда не забывает о своих слушателях, о конкретных людях, внимающих его словам, поэтому он так часто и легко меняет регистры своей речи – явление, отсутствующее в латинских проповедях, выдержанных в одном стиле. Так, Джордано, несомненно, были известны рассуждения Фомы Аквинского в его “Сумме богословия” об обмане в торговле и его сочинение против ростовщичества, а также трактат Ремигия де’ Джиролами “О грехе ростовщичества”, но его рассуждения на эту тему питались, прежде всего, его собственными наблюдениями над жизнью флорентийцев и пизанцев. Он видит, как жажда обогащения толкает его сограждан на обман, который сродни ростовщичеству, и в гневных филиппиках клеймит эти пороки:

Io dico che i mercanti e gli artefici hanno santificata l'usura, che dicono i savi che meglio è il nemico palese, ché l'poi schencire che quegli che ti pare amico e guarda di farti male; da costui non ti puoi difendere, no. Così il peccato dell'usura è peccato manifesto a tutta gente: almeno non t'inganna egli, ch'egli ti dice dinanzi tutto lo 'nganno, che vedi le mazzate dinanci, che le puoi schencire se tu vogli, e non te ne sforza di riceverle, che le ti pigli di tuo arbitrio. Ma le artefici e i mercatanti non fanno così, ché non ti mostrano la magagna, anzi la cuoprono e dipingonla e non te ne avedi e ingannanti: che averà un panno macchiato e faralloti parere uguali al buio; averà mal colore e faralloti parere buono con sua vista e con sue parole. Altresì, com'io ti dissi l'altriieri, tirano i panni e traggono loro le budella di corpo, e stracciansi, e poi li

ricuosciono e rimendano e raffaccionano e vendonlo per buono, e lodanlo; e è feccia ristagnata!.. Io non veggio vantaggio nullo da l'altre arti a l'usure, che non si fa una cosa lealmente, tutta ad inganno e a mal fine [12, p. 103].

Я говорю, что купцы и ремесленники освятили ростовщичество; мудрецы говорят, что явный враг лучше – ибо ты можешь скрыться от него, – чем тот, кто тебе кажется другом, а старается сделать тебе зло; ты не можешь защититься от него, нет. Так, грех ростовщичества – это грех, очевидный всем людям: по крайней мере, он тебя не обманывает, потому что он заранее представляет тебе весь обман; ты заранее видишь удары и можешь уклониться от них, если хочешь, никто не принуждает тебя принимать их, ты принимаешь их по своей воле. Но ремесленники и купцы поступают не так, они не показывают тебе порчи, напротив, они ее прячут и приукрашивают, и ты не замечаешь ее и обманываешься: так, одно полотно в пятнах, а он представит его тебе в темноте одинаковым с другими; оно плохо покрашено, а он своим видом и словами представит его тебе хорошим. Подобным же образом, как я говорил позавчера, они берут шкуры и вынимают из них внутренности, и они рвутся, а потом они их зашивают, чинят, и переделывают, и продают как хорошие, и расхваливают; а это испорченная вещь!.. Я не вижу никакого преимущества ремесел перед ростовщичеством, потому что ничто не делается честно, всё – ради обмана и неблагоприятной цели.

Нельзя сказать, что Джордано да Пиза осуждает богатство как таковое, он никогда не призывает своих слушателей к бедности: времена ориентации на раннехристианские идеалы прошли; к тому же Джордано, чуткий к процессам, протекавшим в современном ему обществе, прекрасно понимал неуместность такого рода призывов. Он проводит разделение между праведным и неправедным богатством, добрым и злым богачом (*lo ricco buono – lo ricco rio*), ссылаясь на примеры Давида и Иова, обладавших немалыми богатствами. Следуя святоотеческой мысли (Джордано цитирует св. Иеронима), развиваемой и Фомой Аквинским, о неверном использовании вещи, об извращении ее первоначального предназначения, Джордано оправдывает богатство, если оно используется в благих целях и осуждает его неразумное применение.

Другие грехи, которым Джордано уделяет немало внимания в своих проповедях – это гордость, сосредоточенность на себе и своих интересах и, как следствие, отсутствие любви к Богу и ближнему. Весьма показательно, что Джордано рассматривает грех гордости не столько сам по себе, в его воздействии на душу отдельного человека, сколько в его влиянии на отношения людей между собой. Ревнитель общественного блага, желающий видеть свою паству гражданами единого града Божия, Джордано в своих проповедях сосредоточивает внимание, прежде всего, на тех

аспектах этого порока, которые препятствуют объединению, мирному сосуществованию людей, не говоря уже о взаимной любви. Гордость разделяет людей, а все они дети одного Отца – поучает Джордано своих слушателей – и поэтому ни у кого нет повода превозноситься над другим. Он пытается на примерах объяснить своей аудитории, почему плохо ущемлять интересы другого человека, вредить, мстить ему, оскорблять “делом, словом или в сердце своем” (“o con l’opera o con lingua o col cuore dentro”), как говорит он в одной проповеди:

Ma tu non ti puoi vendicare senza tuo grande danno et così te ne dovresti cessare. U odi? Dimmi: se tu avessi lo nemico tuo presso, et lo figliuolo tuo fusse in meçço, sì che tu non potessi offendere lo nimico tuo se tu non uccidessi innanzi lo figliuolo tuo, dimmi, uccideresti tu allora lo nimico tuo? Certo no!.. Or misero! Tu non puoi ferire lo nimico tuo, ché tu in prima non percuoti te: perciò che tu uccidi l’anima tua, la qual t’è cara sopra tutti li figliuoli, ché se’ tu medesimo [15, p. 5].

Но ты не можешь мстить, не причиняя себе самому большого вреда, поэтому следует прекратить это. Слышишь? Скажи мне: если бы твой враг был рядом с тобой, а между вами был бы твой сын, так что ты не мог бы напасть на своего врага, не убив прежде сына, скажи, стал бы ты тогда убивать своего врага? Конечно, нет!.. Несчастный! Ты не можешь поразить врага, не поразив прежде себя самого, ведь ты губишь свою душу, которая дороже всех детей, ибо это ты сам.

Говоря о грехах, Джордано, по примеру Отцов Церкви, обращает внимание своих слушателей на добродетели, противоположные рассматриваемым грехам: гордости он противопоставляет смирение и кротость, ненависти – любовь и умение прощать, скупости – щедрость и милосердие и т.д. Но надо отметить, что обличение удается ему лучше, разговор о добродетелях выглядит механическим и сухим, тогда как пороки проповедник клеймит страстно и живописно. Вероятно, имея перед глазами живые примеры тех или иных пороков, он непосредственно, лично обращался к его носителям, рассуждения же о добродетелях могли быть не столь актуальны ввиду их абстрактности.

Как и у прочих проповедников, у Джордано тема греха тесно связана с темой покаяния. Он неустанно говорит о высоте и глубине покаяния, о его превосходстве над всем остальным в мире. Только покаяние очищает человека и приближает его к Богу. В одной из великопостных проповедей, посвященной покаянию, Джордано в многочисленных примерах уподобляет его ремеслу или искусству, которое создает совершенные вещи, а все искривленное, неправильное выпрямляет. Следуя святоотеческой мысли, воспринятой средневеко-

вым религиозным сознанием, он рассматривает покаяние в его трех составляющих: сердечное сокрушение (*contrizione*), исповедь (*confessione*), искупление делом (*satisfazione*), – и особенно подробно останавливается на последней. В качестве средств для исправления жизни Джордано называет пост, милостыню, молитву, добрые дела, размышления о райском блаженстве, с одной стороны, и вечных муках, с другой. Из них его внимание больше всего сосредоточивается на посте, добродетели и милосердии. Разговор о милосердии по отношению к ближнему порой приобретает у Джордано, как мы видели выше, социальный оттенок, выливается в заботу об общественном благе, о взаимопомощи членов коммуны.

В целом Джордано да Пиза говорит о покаянии в умеренных тонах и вполне традиционно, в отличие, скажем, от Якопоне да Тоди и других мистиков, для которых было характерно глубоко личное переживание покаяния, или от Антония Падуанского, воспринимавшего покаяние как переход границы, отделяющий мир сей от Царства Божия. Мотив изменения жизни в результате покаяния есть, разумеется, и у Джордано, но у него он звучит приглушенно. Джордано не воспринимает покаяние как решительный перелом, своего рода катастрофу, за которой следует катарсис и новая жизнь. Некоторые его рассуждения о покаянии напоминают изложение материала по данному вопросу, предлагаемого в пособиях для проповедников. Приходит на ум и “Зерцало истинного покаяния” Якопо Пассаванти, трактат, построенный на основании его проповедей и представляющий собой своеобразный свод теоретических рассуждений и практических примеров на заданную тему, полезный как справочник, но вряд ли способный вызвать покаянные чувства у читателей. Джордано также описывает порой покаяние как научный объект, анализирует совокупность его аспектов, указывает на его достоинства, приводит все относящиеся к теме цитаты и ссылки, не забывает и о конкретных примерах. Он стремится убедить слушателя логическими рассуждениями, доказательствами, при этом стиль проповеди совсем не эмоционален, преобладает мысль, а не чувство, его слова обращены к уму, а не к сердцу. Характерно, что о покаянии он говорит, прежде всего, как о средстве избежать гнева Божия, а не как о возможности примирения и соединения с Богом.

В целом анализ тем проповедей Джордано и способа их интерпретации показывает, что Джордано, не отступая существенным образом от традиции, довольно умело приспосабливает общепасторские топоры к аудитории, с которой

он имеет дело. Знаток человеческой психологии, а также многогранной и динамичной жизни торгового города, он стремится воспитать своих слушателей в христианском духе, учитывая при этом дух времени и пытаясь не слишком противоречить ему, в частности, ради успеха своего проповеднического дела. Никогда ранее городская жизнь столь решительно не врывалась в проповедь, как это происходит у Джордано да Пиза.

Что касается структуры проповедей Джордано, то и тут, следуя традиции, зафиксированной в многочисленных средневековых *Artes praedicandi*, он не воспроизводит ее полностью, а трансформирует в соответствии с возможностями восприятия слушателей. Джордано ориентируется на так называемую “современную” проповедь, где имеет место деление “темы”. В проповеди Джордано присутствуют все необходимые составные части, обозначенные как обязательные в *Artes praedicandi*: тема (*thema*), вступление (*introductio*), основная часть с делением (*divisio*) и членением (*distinctiones*), заключение (*clausio*). Прототема (*protothema*), содержащая рассуждения, вытекающие из темы или трактующая перекликающуюся с тематической фразой из Священного Писания, а также молитву, у Джордано отсутствует – в соответствии с установками доминиканских учителей проповеди (например, Умберто ди Романса), считавших эту часть необязательной для проповеди мирянам. Весьма редко встречается у Джордано и еще один структурный элемент проповеди, а именно вторичное деление (*subdivisio*), при котором делению подвергается цитата, приводимая в подтверждение одного из членов проповеди, или сам член проповеди (элемент, характерный для университетской проповеди). Джордано также очень редко прибегает к согласованию цитат, искусству, великим мастером которого был Антоний Падуанский. Если следовать известному средневековому сравнению проповеди с деревом (ср., в частности, Джакомо да Фужиньяно), при котором тема уподобляется корню, вступление – стволу, а деление, подразделение и членение – большим и малым ветвям, то можно сказать, что проповеди Джордано представляют собой крепкие деревья с умеренным количеством ветвей. Таким образом, Джордано отказывается от слишком изощренных и, строго говоря, ненужных для развития мысли приемов, скорее затрудняющих, а не облегчающих понимание слушателями того, что пытается донести до них проповедник.

Подавляющее большинство проповедей Джордано да Пиза тематические, т.е. анализируется не весь отрывок из Священного Писания, а выделяется один стих из него, так называемая

тема, которая развивается и интерпретируется на протяжении всей проповеди. Во вступлении содержится объяснение и уточнение темы, осуществляемое в разных ключах: повествовательном, экзегетическом, нравоучительном, лингвистическом. В соответствии с правилами трактатов по риторике и *Artes praedicandi* Джордано подкрепляет свои высказывания ссылками на авторитеты, главнейшие из которых, помимо Священного Писания, это высказывания Отцов Церкви, святых, философов. Среди наиболее часто встречающихся имен – Аристотель, Августин, Фома Аквинский, Григорий Великий. Часто Джордано делает ссылки общего характера, типа: “как говорят святые”, “как говорят философы” (или “святые говорят”, “философы говорят”). Во вступлении Джордано стремится также установить личный контакт со своей аудиторией, привлечь ее внимание к развиваемой теме; и тут он идет существенно дальше своих “латинских” предшественников. Этой цели служат не только интересные сравнения и поддержание собственного суждения опорой на общепризнанные авторитеты, но и непосредственное обращение к слушателям – задаваемые аудитории вопросы или даже целый воображаемый диалог между слушателем и проповедником. Порой Джордано ставит себя на место слушателя и предлагает от его лица несколько вопросов или высказываний, стимулирующих развитие темы, типа: “Ты мог бы сказать об этом”, “А ты сказал бы так”, “А теперь ты можешь задать вопрос” и т.д.

Вступление подводит проповедника к непосредственному развитию темы, которая иногда еще раз повторяется. Джордано использует два основных способа развития темы: деление и членение. Деление (*divisio*) означает логическое выделение нескольких сегментов фразы, каждый из которых раскрывается через членения (*distinctiones*). Например, в проповеди, прочитанной в день памяти св. Николая [8, р. 118] тема “С детства росло со мной милосердие” (“*Ab infantia crevit mecum miseratione*”), которая представляет собой измененный стих из книги Иова (31,18 – “С детства он рос со мною, как с отцом”), делится на три члена: 1) “с детства” обозначает начало добродетели; 2) “росло” – возрастание в добре; 3) “милосердие” – достижение высшей степени добродетели. На примере жития св. Николая Джордано раскрывает каждый из выделенных членов. Аналогичным образом в проповеди памяти св. Амвросия [8, р. 137] тема, взятая из Притчей (31,26) “Уста свои открывает с мудростью”, также делится на три члена: 1) “уста свои” означает орудие действия; 2) “открывает” – способ

действия; 3) “с мудростью” – цель, завершение действия. В целом деление темы на три части – самое распространенное в проповедях Джордано; не все они обязательно раскрываются в одной проповеди, последний член может служить материалом для дневной и/или вечерней проповеди или вообще опускаться. В дальнейшем каждый из них раскрывается через членение, трех- или реже, четырехчастное. Чаще всего Джордано ограничивается только членением, отказываясь от деления. Члены деления и членения Джордано всегда называет по-латыни, тем самым подчеркивая их важность и фиксируя на них внимание слушателей, для которых он, впрочем, сразу же дает перевод на вольтаре.

По своему строению проповеди Джордано выглядят двойственно. С одной стороны, их схема весьма четко задается во вступлении, она отличается строгостью и продуманностью каждого пункта; причем если критерии членения не всегда очевидны, будучи лишь обозначенными, они становятся понятными по мере их раскрытия. Но, с другой стороны, чаще всего план не осуществляется до конца, отдельные его элементы опускаются без объяснения причин (если не считать за таковое фразы типа: “Della tersa ragione non voglio dire” – “О третьей причине я не хочу говорить”); создается впечатление необязательности и произвольности. Не исключено, что такой результат вытекает из противоречия между схоластическим образованием, в силу которого Джордано чувствует себя обязанным следовать предписываемым правилам структурирования проповеди, и ориентацией на публику, для значительной части которой могло быть непросто воспринимать такие “тонкости”. И это не недостаток проповедей Джордано, а, напротив, их преимущество, хотя еще и не всегда сбалансированно представленное, поскольку он делал на этом пути лишь первые шаги. А, скажем, уже у Бернардино да Сиена расшатывание латинских схем проповеди зашло так далеко, что порой связь с этим первоисточником стала не вполне очевидной. Отметим, что аналогичный процесс трансформации поздне-средневековой проповеди происходил более или менее повсеместно [16].

Развитие темы осуществляется в проповедях Джордано да Пиза не только на уровне структурного членения, когда каждое положение раскрывается через ряд *причин* (*rationes*) – один из вариантов предписываемого поэтиками распространения (*dilatatio*), – но и с помощью риторических приемов, организующих повествование в рамках отдельных структурных элементов проповеди. Главными среди них являются сравнение,

антитеза, пример (другие варианты *dilatatio*), т.е. из всего множества приемов (а, скажем, Томас Уэллский перечисляет их более двух десятков), Джордано останавливается только на самых наглядных, лучше всего служащих цели убеждения. Джордано – мастер сравнения. К этому приему он прибегает постоянно, именно через сравнения он вводит в свои проповеди многообразные сведения, относящиеся к разным областям знания, а также к повседневной жизни. С одной стороны, он обращается к общеизвестным пособиям, служившим источником для сравнений и метафор, таким, как разного рода изложения “Этимологий” Исидора Севильского, его “Различия”, или “Физиолог”, сочинение о реальных и вымышленных свойствах животных, камней и деревьев; или же использует современные ему сочинения: “Книга подобий и примеров” (“*Liber de similitudinibus et exemplis*”) и сборник “Сумма примеров и подобий” (“*Summa de exemplis et similitudinibus perutilis praedicatoribus*”) доминиканца Джованни да Сан Джиминьяно. С другой же, он опирается на собственные наблюдения над действительностью, и такие сравнения наиболее интересны и оригинальны. Иногда они настолько развернуты, что приобретают характер самостоятельных повествовательных отрывков, как, например, в одной великопостной проповеди, где покаяние, исправляющее человека, сравнивается сначала в целом с ремеслом, создающим предметы в соответствии с их назначением, а затем с конкретными ремеслами:

L'arte si è una cosa che fa ritte tutte le cose, e tutte le cose tòrte dirizza. Non intendete pur ritte a modo di regolo, ma dirizzale a la sua proprietade. L'arte fa la falce, e avegna che ssia tòrta in un modo, sì è diritta, però ch'è diritta a la forma e al fine suo; se non fosse così tòrta, non sarebbe falce; onde l'arte dirizza la falce a essere verace falce...

Voglioti mostrare che la penitenza passa tutte l'arti, perciò che la penitenza dirizza tutte l'opere e tutte le torte dirizza, sì come ti disse dell'arti. Vedi il maestro che taglia coll'ascia, che de' cento colpi non fallarà uno, dove vorrà dare; e uno che non abbia l'arte, de' cento non ne darà uno diritto. Così del calzolaio che dirizza il calzaio per l'arte sua.. Io che che ho l'arte, nol saprei fare: bene mi potrei io apiastare un poco di cuoio al piede, ma non sarebbe però calzaio. Così ti dico del sarto che dirizza la gonnella [7, p. 74–75].

Ремесло создает все вещи прямыми, а все искривленные выпрямляет. Но слово “прямые” следует понимать не как сделанные по линейке, а как соответствующие своим свойствам. Ремесло создает серп, и хотя он определенным образом изогнут, он является прямым, так как соответствует своей форме и назначению; если бы он не был так изогнут, он не был бы серпом;

поэтому ремесло так выпрямляет серп, чтобы он был настоящим серпом...

Я хочу показать тебе, что покаяние превосходит все ремесла, потому что покаяние выпрямляет все дела и все искривленные делает прямыми, подобно тому, что я говорил о ремеслах. Посмотри на мастера, вырезающего с помощью топора; из ста ударов, он не ошибется ни в одном, но попадет в то место, куда хочет; а кто не владеет этим искусством, из ста не сделает ни одного правильного удара. То же и с сапожником, выпрямляющим своим мастерством башмак. Я, не владеющий этим искусством, не смог бы этого сделать: я смог бы лишь разгладить небольшой кусок кожи по ноге, но это не было бы башмаком. То же скажу тебе и о портном, выпрямляющим юбку.

В сравнениях Джордано соединяет высокое и низкое, абстрактное и конкретное, богословскую мысль и повседневный опыт, и одно проясняет через другое.

Другой прием, нередко связанный у Джордано со сравнением, это противопоставление, антитеза. К нему часто прибегают религиозные писатели в силу его простоты и убедительности. В поэзии Якопоне да Тоди антитеза становится организующим принципом построения многих лауд, в первую очередь так называемых прений души и тела, но не только их. Мучительно переживая конфликт между физическим и духовным началами, Якопоне именно через антитезу стремится передать антиномичность тех явлений, о которых он пишет. У Екатерины Сиенской антитеза также всегда передает внутреннее напряжение, подчеркивает драматизм ситуации, которую она описывает, служит целям убеждения. У Джордано да Пиза экспрессивность отсутствует, для него антитеза является лишь удобным приемом, помогающим наиболее объемно представить свою мысль, побудить своих слушателей через противоположность осознать то, о чем он говорит. Его противопоставления вполне традиционны; если у мистиков они имеют тенденцию перерастать в оксюморон, то у Джордано они вполне предсказуемы и не производят эффекта неожиданности, "потрясения".

Тяга к противопоставлению проявляется у Джордано и в пристрастии к воображаемым диалогам со слушателями, когда на какое-либо высказывание проповедника слушатель выдвигает либо противоположное мнение, либо задает вопрос, нацеленный на опровержение этого высказывания. Такие диалоги построены на вопросах-ответах, а сами вопросы являются частью гипотетических периодов. Вовлекая слушателей в беседу, стимулируя их обдумать то или иное положение, Джордано стремится добиться макси-

мального внимания к тому, что он говорит. Кроме того, такие диалоги заметно оживляют и драматизируют проповедь, которая может быть не всегда простой для восприятия широкой публикой. Иногда такие диалоги выглядят как краткая бытовая сценка:

Cotale sentenza è questa chente a dire: "Se ttu porti il calzaio in piede, tu il logorrai". Or mi di': "Or perché porti tu il calzaio? Or già si logora egli". Or tu dirai: "Ché mmi guarda il piede". E così ti dico: "Quale è meglio, o che si logori il calzaio e stea sano il piede, o riporre i calzari e risparmiarli e il piede si logori?" I villani il soglion fare, portare i calzari in mano: dicono che vogliono anzi che si logori il piede che 'l calzaio [7, p. 45].

Это высказывание подобно таковому: "Если ты носишь башмаки на ногах, ты их треплешь". Тогда скажи мне: "Почему ты носишь башмаки? Ты же их треплешь". Ты мне скажешь: "Они оберегают ноги". Тогда я скажу тебе: "Что лучше, истрепать башмаки и сохранить ноги невредимыми или снять башмаки и сохранить их, а ноги повредить"? Крестьяне имеют обыкновение носить башмаки в руках: они говорят, что пусть лучше повредится нога, чем башмак.

Джордано да Пиза использует и такой способ развития мысли, как пример (*exemplum*). Понимаемый в широком смысле, он включает в себя эпизоды из Ветхого и Нового Заветов, из житий святых, развернутые сравнения, взятые из bestiариев, лапидариев, а также из повседневной жизни, зафиксированные в многочисленных средневековых сборниках сравнений (*libri similitudinis*). Граница между сравнением и примером у Джордано, как и у его современников в целом, довольно зыбкая. Строго говоря, любой повествовательный материал, могущий послужить для назидания, используется Джордано как пример. Делькорно, посвятивший подробное исследование употреблению примера в проповедях Джордано да Пиза [17], выделил следующие типы примеров: благочестивые; светские (заимствованные из мифологии, литературы) и исторические; повествующие о чудесах, связанных с Евхаристией и с Богоматерью; взятые из личного опыта проповедника. Все они, включая и последнюю категорию, или полностью заимствованы, или опираются на уже существующие примеры. Основными источниками примеров для Джордано являются, помимо Священного Писания, "Жизнеописания Отцов" (*"Vitae partum"*), "Золотая легенда" (*"Legenda aurea"*) Иакова Ворагинского, "Историческое зеркало" (*"Speculum Historiale"*) Венсена де Бовэ, "Деяния римлян" (*"Gesta romanorum"*), "Диалог чудес" (*"Dialogus miraculorum"*) Цезаря Гейстербахского, "Народные проповеди" (*"Sermones vulgares"*) Иакова Витрийского, сборник примеров

“Tabula exemplorum”, а также “Сборник примеров и сравнений” Джованни да Сан Джиминьяно и “Трактат об изобилии примеров в проповедях на все темы” (“Tractatus de habundantia exemplorum in sermonibus ad omnem materiam”) Умберто ди Романса. Используя богатейший материал, представленный в перечисленных сочинениях, Джордано да Пиза никогда не забывает о своей главной цели убеждения и не поддается искушению злоупотреблять этим приемом, используя пример ради примера. Во-первых, количество примеров в его проповедях ограничено, оно не идет ни в какое сравнение с изобилием примеров в “Зерцале истинного покаяния” Пассаванти или в трактатах Кавальки. Во-вторых, Джордано, как правило, сокращает и упрощает заимствованные примеры, отказывается от “красот стиля”, затрудняющих восприятие рассказанной истории; порой придает примеру фольклорные черты или использует сниженно-разговорные модели его построения. Его примеры отличаются краткостью, яркостью, убедительностью. Опуская детали, Джордано сосредоточивается на главном. Вводится пример обычно краткой формулой типа: “мы читаем” (“leggesi”) или “как можно прочесть” (“come si legge”), а затем сразу излагается его содержание, напрямую связанное с тем, о чем говорит Джордано в своей проповеди. Так, желая проиллюстрировать тщетность богатства, Джордано приводит сразу два примера:

Questa è vera, che nullo filosofo crede in queste cose del mondo. Onde si legge di Socrate che, trovando una fonda di danari nel bosco, no lla ricolse; levollasi in collo, ch'era forse caduta a' mercatanti, pesavagli, ma più gli gravavano l'anima che 'l corpo. Disse: Or ho io presa la penitenza mia e la mala ventura! – e gittolla via.

Воистину, ни один философ не доверяет вещам мира сего. Так, мы читаем о Сократе, что, найдя в лесу кожаную сумку с деньгами, он не взял ее; он поднял ее на плечи – сумку, вероятно, уронили купцы – взвесил ее, но сумка больше давила на его душу, чем на тело. Он сказал: Вот я поднял свое раскаяние и неудачу! – и отбросил ее.

Leggesi d'uno grande filosofo che, invitato da uno re a la corte sua, andovi: il re avea apparecchiate grandi cose e vasellamenti d'oro e d'argento, e letta, e ornamenti mirabili; tutta la casa avea così ornata per mostrare a questo filosofo la gloria sua. Quando questi entrò in casa, non rizzò neente gli occhi a nulla di queste cose: puosesi a mangiare, e queste cose non guatava. Il re disdegnò e maravigliossi, e dissegli: Che è ciò, che non riguardi questa gloria, vestesti mai tanta gloria? – Rispuose il filosofo: Sì, e maggiore. Que' disse: Ove la vedesti? – Disse: Ne' galli, ne' fagiani, ne' pappagalli; quella è maggiore gloria che la tua, però che quella è loro bellezza, e pòssonsene gloriare sì come loro propria, ma questa bellezza non è tua, anzi dell'oro e de

l'argento e di questi paramenti. Dunque perché vuoi che io riguardi? Queste non sono da tte. – E così lo schernì [7, p. 287].

Мы читаем об одном великом философе, что, будучи приглашенным королем ко двору, он отправился туда: король приготовил великие вещи, сосуды с золотом и серебром, ложа, чудесные украшения; так он украсил весь свой дом, чтобы продемонстрировать философу свою славу. Когда тот вошел в дом, он даже не поднял глаз ни на что из этого: он принялся есть, а на это не смотрел. Король возмущился и удивился, и сказал ему: Почему ты не смотришь на эту славу, разве ты видел когда-либо такую славу? Философ ответил: Да, и еще большую. Король спросил: Где ты ее видел? Тот ответил: У петухов, у фазанов, у попугаев; их слава больше твоей, потому что их красота принадлежит им, они могут хвалиться ею как своей, а эта красота не твоя, а золота, серебра и украшений.

В целом стиль проповедей Джордано да Пиза умеренный, средний, не претендующий на “красоты”. Как это ни покажется странным, новаторство Джордано заключается, прежде всего, в утилитарном подходе к проповеди: он не стремится поразить своих слушателей изощренными риторическими приемами, которые они, наверно, в своем большинстве и не смогли бы оценить; избегает живописных образов, ярких метафор, отдавая предпочтение простым средствам, служащим целям объяснения, а порой и упрощения сложных богословских идей, а также назидания, таким, как сравнение, антитеза, пример. И, похоже, этот расчет оказался правильным: его проповеди собирали много народа, тщательно записывались и, судя по всему, ценились его слушателями.

Активный пропагандист доминиканских идей, верный ученик своих наставников по Ордену, Джордано да Пиза обладал несомненным популяризаторским талантом, при этом личный элемент в его проповедях выражен довольно слабо. Его безусловная заслуга заключалась в приобщении широкой аудитории к богатству средневековой богословской мысли и христианской нравственности, преподанной в доступном для восприятия виде и на родном языке. Джордано да Пиза проложил дорогу для многочисленных проповедников, которые обращались к своим соотечественникам на родном языке, расширяя тем самым возможности жанра проповеди и способствуя росту его влияния на общественную жизнь. Проповедники XV в. – Бернардино да Сиена, Джованни Доминичи, Джироламо Савонарола – продолжили дело, начатое Джордано да Пиза.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Zink M.* La prédication en langue romane avant 1300. Paris: Champion, 1982.
2. *Charland Th.-M.* Artes praedicandi. Contribution à l'histoire de la rhétorique au Moyen Age. Paris: Libr. philosophique J. Vrin. Ottawa: Inst. d'études médiévales, 1936.
3. *Roth D.* Die mittelalterliche Predigttheorie und das Manuale Curatorum des Johann Ulrich Surgent. Basel; Stuttgart [Baseler Beiträge zur Geschichtswissenschaft. Bd. 58], 1956.
4. *Murphy J.J.* La retorica nel Medioevo. Una storia delle teorie retoriche da sant'Agostino al Rinascimento. Trad. it. Napoli: Liguori, 1981.
5. *Delcorno C.* Giordano da Pisa e l'antica predicazione volgare. Firenze: Olschki, 1975.
6. Cronica Antiqua Conventus Sanctae Catharinae de Pisis // Archivio Storico Italiano. S. I. T. VI. P. ii (1845).
7. *Giordano da Pisa.* Quaresimale fiorentino 1305–1306. Ed. critica a cura di C. Delcorno. Firenze: Sansoni, 1974.
8. *Giordano da Pisa.* Avventuale fiorentino 1304, a cura di S. Serventi. Milano: Il Mulino, 2006.
9. *Челышева И.И.* Романские средневековые проповеди как источник реконструкции устной формы литературного языка // Устные формы литературного языка. История и современность. М.: Эдиториал УРСС, 1999.
10. *Iannella C.* Giordano da Pisa. Etica urbana e forme della società. Pisa: ETS, 1999.
11. Prediche del B. Giordano da Rivalto recitate in Firenze dal MCCCIII al MCCCVI, a cura di D. Moreni. Firenze, 1831. V. 2.
12. *Delcorno C.* La predicazione nell'età comunale. Firenze: Sansoni, 1974.
13. *Giordano da Pisa.* Prediche sul secondo capitolo del Genesi, a cura di S. Grattarola, premessa di C. Delcorno. Roma: Istituto Storico Domenicano, 1992.
14. *Giordano da Pisa.* Sul Terzo Capitolo del Genesi, a cura di C. Marchioni, prefazione di C. Delcorno. Firenze: Olschki, 1999.
15. *Giordano da Pisa.* Prediche inedite (dal ms. Laurenziano, Acquisti e Doni 290), a cura di C. Iannella. Pisa: ETS, 1997.
16. *Hervé Martin.* Le métier de prédicateur en France septentrionale à la fin du moyen âge (1350–1520). Paris: Les Ed. du Cerf, 1988.
17. *Delcorno C.* L'exemplum nella predicazione volgare di Giordano da Pisa. Venezia: Istituto Veneto di scienze, lettere ed arti, 1972.